

Анналы. Журнал Всеобщей Истории. Издание Российской Академии Наук под редакцией Ф. И. Успенского и Е. В. Тарле. Петербург. 1922 г. Стр. 260.

Наш книжный рынок в последнее время наполняется литературой, которая служит часто агитационным целям буржуазии. Редко среди этих изданий встретишь книжку хотя бы некоторой научной ценности. «А н н а л ы»,—Издание Российской Академии Наук,—принадлежит к этим исключениям. Потребность в журнале Всеобщей Истории ощущалась давно и можно лишь приветствовать эту попытку русских историков. Но, признавая научный характер журнала, мы этим отнюдь не хотим сказать, что «Анналы» не имеют общественного лица. «Незачем распространяться, читаем мы в статье «от редакции», что «широкая терпимость по всем взглядам и точкам зрения, представленным в науке,—обязательна для редакции». Но вряд ли, конечно, потому, что марксизм не есть течение в науке, мы в журнале не имеем ни одной статьи марксиста-историка. Мы не можем возлагать на сотрудников журнала ответственности за взгляды каждого из них, но отсутствие противоположных суждений показательны для журнала. В статье О. Добиаш—Рождественской: «Впечатления Академического Парижа» мы читаем: «В своеобразной атмосфере иногда точно «остановившегося», но здорового и честного быта отдыхаешь душой от того чувства «качки», которая ныне владеет миром». И восторг автора перед картиной «непобедимой традиционности среднего», которая пронизывает Францию, пред тем, что в Париже все «как и прежде» делает его совершенно слепым к проявлениям нового, к предвестникам революции. Автор, однако, не может не отметить печального материального положения ученых Франции. А в другой статье Иянок. Попова, после подробного изложения хода германской революции, автор свой восторженный отзыв на книгу Э. Бернштейна «Германская революция» кончает так: «Ей, этой новорожденной демократии в первых же шагах пришлось отстаивать свое право на существование в холодной атмосфере Европы, среди враждебных стихий революционных страстей». Но об этом автор обещает более подробно поговорить: «в другой связи...» Мы готовы думать, что «философия истории» Р. Зелинского не есть credo сотрудников журнала, но в его статье мы читаем: «не может эстетика господствовать над политикой, как и наоборот, но безусловно над обеими господствует этика» (курсив автора. Ц. /Ф.)

Таково общественное лицо журнала. Но при всем этом журнал в отличие от многих других произведений «эпохи Напа» имеет известное объективно-научное значение. «Анналы» стремятся стать органом обмена мнений и научных сообщений, обслуживающий русских специалистов; его задача—ознакомление читающей публики с огромной литературой по истории последней войны и эпохи социально-революционных переворотов; «Анналы»—журнал критики и библиографии в области истории, но также орган, на страницах которого должен быть разрешен ряд технических и методологических вопросов истории. Что касается последнего чрезвычайно важного вопроса, то он освещен в статье Е. В. Тарле: «Очередная

задача». В самом конце XIX и в первых годах XX столетия в области истории собирание фактов затемняло построение схем и философских теорий. В настоящий момент «синтезирующие способности ума явились бы драгоценнейшими качествами историка». История переживает теперь кризис, он вызван огромной массой накопленных фактов экономической истории, материал, который должен быть «если пока не объяснен, то хотя упорядочен и сколько нибудь систематизирован». Для историков наших дней, как отмечает Е. В. Тарле, огромное воспитательное значение имеет революция. «На сколько прост и поверхностен, в качестве историка, блестящий Вольтер, пишет Тарле, сравнительно с самым скромным и маленьким историческим писателем пережившим революцию», Для Тарле ясно, что в дни революций особенно выпукло становится роль стихии, масс, и ничтожность рационализма. Здесь бесспорно Е. Тарле на несколько голов выше возвращающегося назад Вишпера. Но понимая кое-что в современных событиях Тарле предупреждает от «увлечения псевдо-историей», он хочет объективизма и под ним понимает отделение историка китайской стеной от современных событий.

Что касается нового научного материала в области самостоятельной разработки, то журнал дает его чрезвычайно мало. Сюда следует отнести статью Н. Платоновой: «Накануне Великой Революции». Автор сообщает нам некоторые места из переписки между литератором Блен-де-Сен-Мир и двором Павла, о настроениях Парижа накануне революции. Переписка не представляющая особенного интереса. Самое большое место в журнале занимают статьи-сводки. Сюда относятся статьи С. М. Глаголевой-Данини о крестьянском вопросе во Франции накануне революции; статья Петрова об общественных идеях Руссо в новейшем научном освещении, а также весьма ценный обзор иностранной литературы по древней истории за 1915—1921 г. г. «Анналы» уделяют огромное внимание литературе о войне. Сюда относится статья Лихарева «Вильгельм II и начало мировой войны», в которой автор делает сообщение о документах, собранных К. Каутским о причинах войны, при чем для автора статьи самое существенное это утверждение: «Вильгельм II хотел войны и к ней сознательно направлял он политику своей Империи». Вопросу войны посвящен весьма интересный отдел библиографии и критики. Ряд сообщений о книге фон-дер-Гольца — П. П. Щеголева, о мемуарах Гельфериша — М. Гринвальда, а рецензия А. Савина на книгу Нитера Райта о последней войне особенно ценны. В последней рецензии мы не можем не отметить остроумное замечание английского генерала Вильсона. «Если б только мы могли раз'яснить французам, где находится Месопотамия». Так элегически реагировал генерал на тот знаменательный факт, что для французов небольшая деревня их страны была дороже, чем ряд восточных стран. Мы не можем здесь также не отметить ту характеристику Клемансо, Л.-Джорджа и Орландо, данные П. Райтом, которая резко расходится с характеристикой Кейнса. Для последнего Клемансо «тигр», для первого — только Л.-Джордж гений и вождь. Не следует ли это противоречие объяснить тем, что П. Райт, как отмечает П. Савин в своих мемуарах, лишь подставное лицо для Л.-Джорджа. Мы здесь не исчерпали содержания всех статей и заметок журнала,

но думаем, что лицо его достаточно ясно читателям. Перед нами ценное начинание, группирующее, однако, лишь старых цеховых, или цехом признанных ученых-историков. «Время для жатвы давно наступило, может быть недалеко уже и жницы», читаем мы в статье Тарле. Они идут и выведут историю из ее кризиса, вооруженные марксизмом. Но для успеха жатвы прежде всего требуется уничтожить цеховую исключительность историков...

Будем надеяться также, что в дальнейших номерах журнала найдут место и самостоятельные работы русских ученых за годы войны и революции.

Ц. Фридлянд.

ИЗДАНИЯ В. И. АНИСИМОВА ПО КНИЖНОМУ ДЕЛУ.

1. Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России. Пгр. 1920 г. 94 стр.
2. Краткий конспект по печатанию с плоских стереотипов. Пгр. 1921 г. 40 стр.
3. Гравирование цветных офортов и эстампов. Пгр. 1922 г. 96 стр.
4. Книжный переплет. Пгр. 1921 г. 94 стр.
5. Стереотипное дело. Пгр. 1922 г. 164 стр.

С какой бы точки зрения ни рассматривать современную эпоху,—нельзя не признать, что основное ее достижение заключается в мощном развитии коллективного творчества, руководимого коллективным разумом и коллективной волей. Особенно ярко это положение выявляется в области крупной индустрии. И, пожалуй, одна из наиболее ярких показательных областей, где особенно выпукло бросаются в глаза преимущества коллективного творчества,—область книгопечатания, играющая в жизни современного человечества столь выдающуюся роль.

В нашем деле—как нигде—искусство и техника, соединившись в тесный союз и пользуясь услугами—в каждом отдельном предприятии—сотен менее и более заметных специалистов-техников и рабочих, совершают чудеса, и об этом приходится подчеркнуто напомнить, ибо широкая публика, любящая хорошо изданной книгой или читая газету, не подзревает, какая масса людей принесла—каждый свою долю—труда, чтобы создать эти несколько страниц с напечатанными на них буквами.

И отдельный индивидуум, даже обладающий выдающимися способностями, в области издательской техники без помощи коллектива не может шага сделать; его труд растворяется, как незначительная частичка, в массе труда сотен товарищей. При этих условиях приписывать их заслуги себе,—значит игнорировать сознательно—что еще хуже—или бессознательно их личность и их права.